

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КИРИЛЛ ЗАПОРОЖАН

ТЕМНЫЙ ГОРОД

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Может, кто поймет,
Что он в себе несет.
Может, кто дойдет
Туда, куда всю жизнь идет...
Catharsis

ПРОЛОГ

Холодно лежать на бетонной плите. Особенно если эта плита — крыша дома, засыпанная снегом. Где нечем прикрыться и некуда спрятаться от сумасшедшего ветра. И полтора часа я уже лежу на снегу в пятнадцатиградусный мороз. Холодно, но ничего не поделаешь. Это часть моей жизни, одна из многочисленных ее составляющих.

Я в который раз посмотрел на часы и приложился глазом к окуляру оптического прицела. Тусклая лампочка в сотне метров едва освещала подъезд двухэтажного дома, на скорую руку переделанного под коттедж. Двое одетых в фуфайки охранников, стоящих перед входом, сжимали в руках автоматы. Странно, Ринат вроде не бедный человек, а нормальное освещение провести не удосужился. Хотя с освещением было туго, но не так туго, как два года назад. Тогда энергии от небольшой электростанции хватало лишь на то, чтобы освещать некоторые улицы города в самые темные часы, да еще на здание правительства. Сейчас же свет был и в магазинах, и в барах, и в других общественных местах. Правда, его хватало с большим натягом. Простые же люди освещали себя, как могли. Наиболее состоятельные, коих было меньшинство, ставили ветряки, остальные перебивались случайными источниками, начиная от керосиновых ламп и заканчивая «световой палочкой».

Дом снаружи тоже не впечатлял. Некоторые окна заложены кирпичом, некоторые просто заколочены досками. Через редкие щели пробиваются тонюсенькие лучики света, но какие-то мигающие — скорее всего, в доме горит камин. Стены

выкрашены недавно в мерзкий болотный оттенок. Не понимаю, что самый крутой бандит Темного города делает в этой дыре? Хотя, может, там внутри золотые стены?.. Не знаю.

Я вновь посмотрел на часы. Полвосьмого. Еще полчаса здесь мерзнуть. Но мысль о деньгах, которые я получу, грела. Даже не столько о деньгах, сколько о тех возможностях, которые они дадут. Впервые за три года моя жизнь обрела хоть какой-то смысл, а цель стала реальной и вполне осуществимой. Но не стоит радоваться раньше времени. Не стоит. Никогда не знаешь, что может случиться в следующую секунду в таком подлом месте, как Темный город.

Часть первая ТЕМНЫЙ ГОРОД

И от солнца нет вестей,
Темный город на Неве
Просил от солнца новостей...

«Кукрыниксы»

Глава 1 НОЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Но вот кто-то плачет,
А кто-то молчит,
А кто-то так рад,
Кто-то так рад.

«Кино»

— Ты никогда не задумывался, что это все не просто так? — спросил Валик и опрокинул в себя содержимое рюмки.

— Все в нашем мире не просто так, — философски заметил я. Мой друг всегда все усложнял. Ну произошло что-то из ряда вон выходящее, но ведь живем же как-то. Многие из нас давно поняли, что люди не в состоянии изменить то, что произошло. И три года мы уже просто ждем.

— Эти границы не могли возникнуть сами по себе.

— Но ведь возникли.

— Значит, их кто-то воздвиг!

— Грессишь на НЛО? Или на секретные службы бывших сверхдержав? — хмыкнул я, но Валик лишь махнул рукой.

Валентин Митин мой друг. До войны был спортсменом и мастером спорта по тэквондо, о чем свидетельствовали полинявшие дипломы, висящие на стене. После того как на мир упали границы, ему не раз предлагали драться на тотализаторе, но он пошел на принципы и теперь работал вышибалой в «Альпах», самом дорогом заведении в городе. Обладая ростом метр восемьдесят пять и весом чуть меньше восьми-

десяти килограммов, он абсолютно не казался опасным человеком, а белые волосы придавали его лицу немного простоватое выражение. Но это впечатление было обманчиво, в чем не раз убеждались не в меру пьяные посетители «Альп».

В его маленькой «двушке» мы сейчас и сидели, разнообразив общение пол-литровой бутылкой водки. Я в принципе не пил ничего, что превышало по крепости двадцать градусов, но так то до войны. А сейчас, когда со слабоалкогольными напитками был большой напряг, приходилось пить все подряд. В том числе и пятидесятиградусный самогон. Был, конечно, вариант не пить вообще, но меня он как-то не устраивал.

Вот так мы и сидели: я, Валик, пол-литра водки, яичница и бутерброды. А что еще нужно человеку для полного счастья? Хотя для полного счастья нам всем было очень далеко. У меня, например, даже своего жилья нет, мой дом снесло под основание. Что самое интересное, школа, стоящая в пятидесяти метрах от дома, уцелела полностью.

— Темный, может, завтра завалимся в «Приют»? — Валик специально издевательски выделил мое прозвище, но я пропустил это мимо ушей. Он не одобрял моего добровольного отказа от имени, но ему меня было не понять.

— И чего я там не видел? — Я удивленно пожал плечами. Валик прекрасно знал, как я отношусь к подобного рода заведениям, но не упускал случая потаскать меня по барам. Ну не люблю я эти забегаловки и клубы. Терпеть не могу. Сам не знаю почему, не люблю, и все.

— Идем. Наши все там собираются завтра.

«Наших» я не видел недели две. Но говорить, что соскучился по ним, я бы не стал. Хотя с другой стороны...

— Ладно, пойдем. Во сколько?

— В полседьмого, — ответил Валик, доедая последний бутерброд.

— Буду. — Я вылез из продавленного кресла и потянулся, разминая затекшую поясницу. Вышел в коридор, надел ботинки и натянул шапку.

— В зеркало посмотришь, косо ведь сидит, — раздалось из глубины квартиры.

— Обойдусь, — буркнул я и закрыл дверь.

Вот и все наши отношения. Встречайся мы с Валиком чаще двух раз в неделю, мы вряд ли остались бы друзьями. Мне почти не о чем было с ним говорить. С остальными, кстати, тоже. Даже в окружении друзей мне удавалось оставаться одному. Возможно, потому, что почти все время мои мысли занимал один человек. Одна девушка. Я не знал, где ее искать, да и вообще, жива ли она. Я не знал, захочет ли она вообще видеть меня. Не знал. И поэтому продолжал свое существование в старом студенческом общежитии, спасаясь от рутины только сложной, но чрезвычайно интересной работой.

Я медленно брел по узкой улице, обходя куски бетонных плит, валяющиеся на дороге. Некому их убирать, да и некуда. Это в самом центре мэр навел какое-то подобие порядка, а в остальных частях города царил полный бардак. Но он теперь даже отдаленно не напоминал тот хаос, что творился на улицах три года назад.

Впереди забрезжили слабые огни проспекта Мира, одной из немногих освещенных улиц в нашем городе. В самом деле, зачем тратить и без того ценное электричество на места, по которым мэр никогда не ходит. Точнее, не ездит, прожигая остатки бензина. Я перешел пустынный проспект и снова углубился в каменный лабиринт кварталов. Кое-где слышался смех молодежи, из окон изредка виднелись отблески огней. Конечно, правительство пыталось наладить какое-то подобие порядка в городе, но это было не так-то просто. Во-первых, уровень преступности вырос так быстро, что тысяча Стражей, работающих посменно, не успевали следить за пятьюдесятью тысячами жителей. Во-вторых, постоянные ураганы и землетрясения разрушали Темный город медленно, но верно. В-третьих, нечисть, лезущая из всех щелей и постоянно норвящая вторгнуться в город изнутри.

В общем, проблем накопилось много, и ликвидировать их можно было, лишь объединив усилия всех живущих здесь людей. Но работать на благо города хотели единицы. Как это часто бывает, затраченные усилия не окупались. Точнее, оплачивались не настолько высоко, чтобы напрягаться. Куда легче и прибыльнее было вступить в одну из многочисленных банд, заполонивших город. Обычные люди редко осме-

ливались в одиночку показываться на улице после захода солнца, хотя ношение холодного оружия Стражей не запрещалось, а в некоторых случаях даже поощрялось.

Вот так, за размышлениями, я прошел несколько кварталов и свернул направо, к реке. Под ногами захрустела тонкая корочка льда. Речка пересекала город с востока на запад и терялась где-то у западной границы, а может, и выходила за ее пределы. Проверять это никто не рисковал.

Я медленно брел в полном одиночестве и вспоминал, вспоминал, вспоминал...

Третья мировая война началась всего пять лет назад. Два года все воевали со всеми, никто не помнил, из-за чего возник конфликт, но война была жестокой и кровавой. Мне пришлось побывать и на Ближнем Востоке, и на Северном полюсе, и в Африке. И везде, куда бы мы ни приходили, нас встречали либо огрызающиеся стволы орудий и автоматов, либо уже разрушенные, разворованные города. Казалось, войне не будет конца, а армии просто гоняются друг за другом вокруг земного шарика, который внезапно стал очень маленьким и очень тесным. Гоняются и не могут ни догнать, ни остановиться.

Темнота наступила внезапно. В один день. Как будто кто-то накрыл всю землю гигантским покрывалом или проглотил солнце. Никому не удалось зажечь даже спичку. Огонь не желал разгораться, невозможно было высечь даже крошечную искорку. Кто-то принялся палить из автомата прямо в воздух. Но даже тогда не было видно ни единого всполоха. А потом я внезапно ощутил сильнейший подземный толчок и потерял сознание.

Когда я очнулся, оказалось, что каким-то образом очутился в своем родном городе, хотя сознание потерял на берегу Средиземного моря. А еще через несколько недель выяснилось, что весь мир разбит на так называемые квадраты площадью около пятидесяти тысяч квадратных километров. Квадраты имели границы, представлявшие собой потоки воздуха, которые струились над землей. Такое я часто наблюдал в Африке, когда над песком поднимался раскаленный воздух. Но в Африке он хотя бы не мешал передвижению, а здесь...

Воздух границы был непредсказуем, как шарик на рулетке. Он мог встретить человека либо смертельным электрическим разрядом, либо стеной пламени, либо такой низкой температурой, что дыхание замерзало еще в легких, и мертвый человек, падая, разбивался на сотни осколков. Облака ядовитых испарений также были не редкостью, но чаще всего человек просто не мог пройти через воздушный заслон. Окружающее пространство уплотнялось так, что преодолеть его было попросту невозможно.

Очень много людей погибло, пытаясь преодолеть новые границы, пока не оказалось, что в них иногда открываются порталы. Порталы появлялись в разных местах в разное время и вели в другие квадраты. Но где они появятся и куда будут вести, угадать было невозможно. Чуть позже появились люди, которые могли чувствовать открытие таких переходов, но их было очень мало. Наладить постоянную торговлю и связь между квадратами было невозможно, но некоторые люди, объединяясь в группы, мотались по разным областям, добывая, выменивая или покупая наиболее ценные товары. А поскольку бумажные деньги, которые нельзя было нигде обменять, никого не интересовали, то единой валютой негласно стало серебро и золото. Причем первое ценилось в три раза дороже. А соотношение между серебром и бумажными деньгами вообще было пять к одному.

В нашем квадрате сохранилось три больших города, включая мой, с десятков деревень и около двух десятков хуторов. И если населенные пункты остались теми же, хотя и порядком разрушенными, то дороги между ними исчезли полностью. А самое страшное, что на пустых землях, в лесах и на полях, на болотах и в реках, теперь правила нечисть. Я не шучу. Снежные тролли, черные орки, оборотни, вампиры и много-много другой живности, которая только и жила надеждой кого-нибудь сожрать.

Первые несколько месяцев население городов, а особенно мелких хуторов, неумолимо сокращалось, и нас спасло только то, что мы превосходили нечисть по численности. Но затем людям удалось наладить хоть какое-то подобие порядка и обнести города стенами. У каждого города были свои органы самоуправления, которые не подчинялись никому.

Каждый город жил отдельным хозяйством, но какое-то подобие торговли все же существовало, хотя перегонять товар между населенными пунктами было очень опасно.

Не обошлось и без положительных моментов. За три года жизни за границами людям удалось сделать очень многое. Особенно повезло тем, кто открыл в себе магическое начало. Магия и алхимия развивались с космической скоростью. В каждом городе была своя Академия и свой Дом Алхимика, свой цех по производству оружия и всяческих магических амулетов.

Жизнь налаживалась для всех. Почти для всех. Особенно для банд, заполонивших города...

Луна ярко светила в спину, и моя длинная черная тень мягко скользила по белому снегу. При таком морозе на небе не было ни облачка и было довольно светло. Я прошел вдоль реки, перешел пару узеньких улиц и уже подходил к общаге, когда рядом с моей тенью замаячили еще две. Поэтому я совершенно не удивился, услышав грубый окрик:

— Эй ты, а ну стоять!

Я медленно обернулся и положил руку на рукоять ножа. Двое. Один повыше, другой пониже. Стандартная ситуация. Залатанные во многих местах штаны, черные куртки, шапки надвинуты на глаза.

Тот, что пониже, подошел вплотную и проговорил, обдав запахом гнилых зубов и перегара:

— Попался, фраерок. Гони деньги, шмотки, и мы тебя отпустим.

Я улыбнулся. Ну эта парочка для меня не проблема. Аматорский подход. Настоящие профессионалы неслышно подходят сзади, бьют по голове железной трубой и снимают трофеи с бесчувственных тел.

Я резко дернул шапку мужика вниз, закрывая ему обзор. Бандит рефлекторно дернулся назад, и вслед полетел мой кулак. Мужик хрюкнул, видимо, я сломал ему нос, а я тут же ударил его ножом в горло. Уже мертвое тело, заливая снег кровью, мешком упало к моим ногам. Второй нападающий дернулся вперед, но я уже был рядом с ним. Коротко и резко ударил в солнечное сплетение, выбивая из легких воздух, а затем свалил на землю легкой подножкой. Когда он пришел в

себя, я сидел на его груди, а острие моего ножа было в миллиметре от его глаза.

— Разве ты не знаешь, что Темный город — опасное место? — спросил я у лежащего мужика.

Тот только судорожно сглотнул. Я вздохнул. Ну какой из тебя бандит, если ты боишься совершать даже такое мелкое преступление, как разбой. В нашем городе каждую неделю находят трупы, еще сотни жителей становятся жертвами грабежа, а какие-то мелкие воры пытаются меня ограбить, даже не спросив, кто я такой. Вообще Косой их распустил. Набирает в банду всякую шваль.

— А разве тебе не говорили, что воровать нехорошо? — продолжил я идиотский допрос.

Мужик едва заметно кивнул. Я покачал ножом перед его лицом. Скучный он какой-то. Шуток не понимает. Пора с ним заканчивать.

— Кто вас послал?

— Я... нас никто не посылал, — заикаясь, проговорил он высокий тонким голосом и внезапно пробормотал: — Отпусти...

— А разве ты не знаешь, что с Темным связываться опасно?

Глаза мужика расширились от страха, и он прохрипел:

— Темный... Прости, не узнали, пусти, мы больше не будем!

— Твой напарник действительно больше не будет. Не сможет, по причине дырки в горле, а вот тебе я почему-то не верю.

Обычно я не разговариваю с подобной мразью, но сейчас меня почему-то заинтересовал этот тип. Они определенно ждали где-то неподалеку и знали, что я приду к общаге.

— Нас Косой послал, — внезапно заговорил мужик, — проверить тебя хотел, настолько ли ты хорош, как говорят.

— И как же он об этом узнает, если я тебя сейчас зарежу? И если вы лучшие из тех, кого Косой мог послать на такое дело, то мне его жаль. Его банда не продержится против Рината и полгода.

— Он просил передать тебе приглашение, — пробормотал мужик. — Косой хочет поговорить с тобой.

А вот это уже интересно. Я не знаю, что от меня понадобится главарю второй по величине банды Темного города, но не думаю, что нечто хорошее. Но это может хоть как-то развлечь меня. Поможет убить время и скуку.

— Ладно, передай Косому, что я встречу с ним через... — я прикинул время, — два дня.

Бандит дернулся.

— Что-то не так? — угрожающе спросил я.

— Он сказал, чтобы мы привели тебя немедленно.

Я прижал нож к горлу высокого и надавил. Капелька крови выступила на кадыке, и я слегка ослабил нажатие.

— Через два дня, — прохрипел мужик. — Я передам.

— Ну вот и отлично.

Я поднялся с груди бандита, очистил нож от крови о снег и спрятал клинок в ножны.

— Еще раз увижу — убью, — бросил я за спину и, не дожидаясь ответа, пошел к зданию бывшего студенческого общежития № 3.

Сторож дядя Митя неодобрительно покосился в мою сторону, когда я практически на ощупь открыл дверь подъезда и прошел мимо его будки.

— Добрый вечер, дядя Митя, — поздоровался я. — Дайте ключ, пожалуйста.

— Тебе записка, — буркнул сторож, протягивая вместе с ключом аккуратно сложенный листок бумаги.

— Кто принес? — спросил я, не торопясь читать послание.

— Я в туалет отлучился, — замялся дядя Митя, — возвращаюсь, а этот листик уже здесь как-то появился.

— А с чего ты взял, дядя Митя, что эта записка предназначена именно мне? — холодно поинтересовался я. И за что ему деньги платят?

— Так ведь под твоим ключом лежала, — пробормотал сторож, отводя глаза.

Я хмыкнул и поднялся по ступенькам на третий этаж, дошел до своей комнаты и, открыв дверь, зашел внутрь. Щелкнул выключателем. Лампочка кое-как накалилась, слабо освещая площадку около полутора квадратных метров, но и ее света мне хватало. Кровать, письменный стол, стул и табу-

ретка — вот и все богатство моей комнаты. К стене прибита пара полок, на которых стояли три книги. Остальное пространство полок покрывал толстый слой пыли и всякий хлам, вроде спичечных коробков, клочков бумаги и тому подобной мелочи.

Я встал прямо под лампой и, стараясь не загораживать самому себе свет, развернул записку. «Послезавтра на том же месте». Пять слов, и все. Ни подписи, ни числа, ничего.

И тем не менее я знал чья это записка и кто ее написал. Только один человек, вернее, одно существо общалось со мной в таком духе, а значит, послезавтра я с ним встречу. Слишком редко он выходил на связь и слишком важные сведения обычно сообщал.

Я вышел на кухню, набрал из стоящей в углу бочки воды в чайник и поставил его на печь. Хоть газ в баллонах у нас не кончился, и на том спасибо, а то пока на дровах воду вскипятишь — и пить уже не захочешь. А так через семь минут я заварил чай, соорудил пару бутербродов и вернулся в комнату. Сев за стол, я стал размышлять.

Итак, что мы имеем? Меня хочет видеть Косой, меня хочет видеть мой тайный информатор, меня хотят завтра видеть мои друзья в «Приюте». И встретиться со всеми мне придется в последовательности, обратной той, которую я только что назвал. Что, путано говорю?.. Так я не говорю, я пока еще только думаю. Значит, всем нужно встретиться со мной. Похвально, но как-то странно. То никому не был нужен, то внезапно всем сразу понадобился. У меня возникло такое ощущение, что все они обо мне что-то знают, но не говорят, тянут до последнего. А тут вдруг подворачивается тот самый момент, когда надо срочно все рассказать или случится что-то страшное.

Чай закончился. Как всегда, слишком быстро. Но идти на кухню за новой порцией уже не хотелось. Хотелось спать. Бросив кружку на столе, я разделся и нырнул под одеяло, проваливаясь в объятия коварного сна.

Проснулся от сильного стука в дверь. Какого ...? Дадут мне поспать спокойно хотя бы раз в месяц? Я попытался спрятаться от стука под одеялом, но утренний визитер был

настойчив. Он просто стоял за дверью и колотил по ней, как по барабану.

Чертыхаясь, я вылез из-под одеяла и едва удержался от желания тут же нырнуть обратно. За ночь в комнате стало очень свежо. Есть у меня одна маленькая слабость, я терпеть не могу холодную пору года, когда приходится надевать на себя кучу свитеров, куртку, шапку и шарф. Когда ветер свистит как сумасшедший и дует во все мыслимые и немыслимые щели, пробирая до костей. Когда солнце, отражаясь от снега, било по глазам не хуже хорошего боксера. Но приходилось мириться и терпеть это издевательство над собой.

Стук в дверь не смолкал, и я, подавив раздражение и желание залезть под одеяло, натянул спортивные штаны и открыл дверь.

— Ну наконец-то! — В комнату ввалился веселый рыжеволосый парень примерно моего возраста. Оглядев неубранную постель и мой внешний вид, он озадаченно почесал в затылке, а потом спросил: — Ты что, до сих пор спал?! А как же служба?

Я хмуро посмотрел на часы. На циферблате маленькая стрелка стояла между семеркой и восьмеркой, а большая закрывала собой цифру шесть. Чуть ниже на электронном экране светилось зеленое 7.30. Я покачал головой, посмотрел на нежданного гостя, потом опять на часы, потом на дверь, а потом опять на парня.

— Егор, ты что, совсем обалдел? — спросил я.

— А чё? — удивленно захлопал глазами рыжий.

— Через плечо! — срифмовал я. — У меня отпуск позавчера начался.

— Да? — Егор удивился еще больше, но потом, словно что-то вспомнив, просветлел. — А это все равно — у нас форс-мажор!

Сказал таким тоном, словно этот форс-мажор был самым лучшим событием в его жизни.

— Какой форс-мажор? — Я с трудом сдержался, чтобы не дать ему в морду прямо сейчас.

— Ну правильно, тебя же вчера не было, — скорее для себя, чем для меня, пробормотал рыжий, а затем обратился

непосредственно ко мне: — Мы вчера двух «подснежников» нашли.

— И что, — возмутился я, — из-за этого необходимо вламываться ко мне в квартиру, когда я сплю?

— А я тут и при чем, — отбоярился Егор, — мне сказали тебя найти и приказ передать, я передаю. Тебе приказано сегодня утром явиться в школу.

Я глубоко вздохнул. Все планы, похоже, катились к чертям собачьим. Но приказы не обсуждаются, поэтому через двадцать минут я был уже полностью готов к выходу.

— Подожди за дверью, — сказал я Егору, а когда тот вышел, достал из-под кровати небольшой чемодан.

Ввел нехитрый код и открыл чемодан. Достал оттуда пару сотен рублей и, подумав, пару серебряных колец. Нож я никогда не прятал, мало ли когда он может понадобиться. Закрыв чемодан, я продел колья в специальные петли, вшитые внутри рукавов куртки, и вышел из комнаты.

Сторож дядя Митя похрапывал, сидя в кресле. Я вздохнул, сунул ключ в карман и вышел на улицу к ожидавшему Егору.

Темный город встречал новый день, стряхивая с себя сонную паутину, разминая затекшие за ночь суставы, разгоняя надоевшую темноту. На улице уже начали появляться люди, торопящиеся по своим делам. У многих были тележки и тачки. Рынок еще только раскладывался, но, поскольку он был единственным, занять торговые места нужно было именно сейчас. Мы с Егором вклинились в общий поток и, дойдя до рынка, обошли его по дуге. Людской поток к этому времени стал еще оживленнее, несмотря на то что мы периодически срезали углы дворами. Я попробовал выпытать у Егора, что же все-таки произошло, но рыжий предпочел отмалчиваться, постоянно ссылаясь на приказ. В итоге еще с километр мы протопали молча, пока не свернули в один из многочисленных дворов, в центре которого стояло серое трехэтажное здание.

У входа в бывшую школу застыли два охранника. Оба — в коричневых балахонах, капюшоны низко надвинуты на глаза. У каждого на поясе висела небольшая булава с набалдашником, ошетилившимся серебряными шипами, широкий

нож и ПМ. В руках оба охранника держали по автомату Калашникова, или, по-простому, АК-47. «Сектанты», — думал всякий, кто случайно забежал в подворотню или заходил сюда навеселе по «неотложному делу».

Никто не догадывался, что под прикрытием секты работает еще одна стража Темного города — Инквизиция. Мы с Егором подошли ко входу, на ходу доставая пропуска. Ни один из стражей не шелохнулся, лишь глазами проводив серебряную печать на пропусках. Да, работка у ребят «не бей лежачего». Сектантов и так старались избегать, а когда они вот так молча стояли с автоматами наготове, вообще обходили десятой дорогой.

Мы пересекли холл школы и подошли к окошку дежурного. Дежурил сегодня Костя Павлов, неплохой малый, который попал к нам всего месяц назад. Костя сидел за столом и что-то увлеченно писал карандашом в толстой тетради. Взгляд у него был мечтающий. Заметив нас, Костя резко захлопнул тетрадь, всем своим видом показывая, что нас его записи не касаются.

— Привет, — поздоровался я, протягивая пропуск в окошко.

— Здорово, — ответил Костя, сверяясь с номером пропуска в толстом журнале. — Ты же в отпуске, — удивленно добавил он.

Я вопросительно посмотрел на Егора. Тот вздохнул и достал из-за пазухи сложенный вчетверо лист. Развернул его и протянул Косте. Я успел разглядеть только серебряный герб Инквизиции внизу страницы — скрещенные кол и булава на фоне заходящего солнца. Такие же гербы были на всех пропусках, но на листе рядом с печатью стояла размашистая подпись Великого Инквизитора, а это уже было кое-что. Печать сама по себе должна отметать всякие вопросы, а раз она еще и подкреплялась подписью, значит, дело действительно серьезное.

Костя внимательно прочитал документ и спрятал его в стол, затем протянул нам с Егором журнал.

— Распишитесь, — сказал он, хмуро грызя кончик карандаша и бросая на меня косые взгляды.

— Да что происходит?! — возмутился я. — Что вы все темните?

— Пойдем, — Егор потянул меня за собой, — там тебе все объяснят.

Мы прошли по длинному коридору, спустились по лестнице на нижний этаж и остановились у железной двери, за которой располагались холодильные камеры. Дверь распахнулась, и на пороге возник Старший Инквизитор, облаченный в такую же рясу, что и охранники, только красного цвета.

— Где вас носит? — раздраженно прорычал он. — Время-то уходит.

Дима Томин вообще-то был нормальным мужиком, но, когда надевал балахон Старшего Инквизитора, становился просто непереносимым. Он чувствовал себя ответственным за все, что происходит в нашей школе, и требовал от своих подчиненных неукоснительного соблюдения правил.

— Так, ты заходи, — кивнул он мне, — а ты, — бросил злой взгляд на Егора, — марш переодеваться!

Рыжий вздрогнул как от удара и убежал по лестнице наверх, а я прошел за Старшим в холодильник. Холодильник был как в морге. Несколько морозильных камер у стены и три стола в центре зала. На двух столах лежали тела, накрытые простынями.

Кроме нас в холодильнике находились еще несколько послушников в коричневых балахонах, пара Старших Инквизиторов и Великий Инквизитор в яростно-белом одеянии. В руках Великий держал посох, на поясе у него висела булава, а на голове он носил нечто, напоминающее тиару папы римского, только не такую высокую.

— Опаздываешь, Темный, — бросил на меня хмурый взгляд Великий.

— Меня подняли из постели во время отпуска, ничего не объяснили, а теперь я еще и виноват? — Я встретил взгляд Великого, и через несколько секунд тот опустил глаза.

Дверь тихо отворилась, и в комнату просочился Егор. Он уже облачился в серый балахон и теперь поправлял на поясе булаву.

Один из Старших тут же обернулся к нему и схватил за ухо.

— За что?! — взвыл рыжий, даже не пытаясь освободиться — хватка у Старшего была железная.

— Ты почему ничего ему не рассказал? — прошипел Инквизитор. — Я тебя спрашиваю. Ты хоть понимаешь, насколько это важно? Давно на вахте не стоял?

— Я думал... — начал Егор, но Старший еще сильнее сжал пальцы.

— Думать тебе можно будет, когда получишь красный балахон, а пока твое дело выполнять приказы! — взревел он. Потом немного успокоился и, отпустив ухо парня, продолжил: — Но если ты будешь так нести службу, то ни о каком красном цвете можешь даже не мечтать.

— Да, Старший, — пристыженно пробормотал Егор и спрятался за спины других послушников, потирая красное опухшее ухо.

Я хмыкнул. Егор всегда брал на себя больше, чем мог понести, но при этом ему все как-то сходило с рук. Везунчик, одним словом. Хотя его привел один из Старших, значит, разглядел в парне что-то полезное для Инквизиции. Ладно, время покажет.

— Короче, Темный, — Старший повернулся ко мне, — это они, те самые.

Я подался вперед. Если это «те самые», о которых я подумал, то об отпуске можно благополучно забыть.

— Не может быть, — пробормотал я, растерянно глядя на Старших.

Вместо ответа Инквизитор отбросил одно покрывало. На столе лежал мужчина средних лет. Ничего примечательного в нем не было. С первого взгляда — обычный труп с явными признаками обморожения. Пальцы рук и ног почернели, кончик носа уже отпал, губы были синими, как морская глубина. Кисти рук и щиколотки прикованы к столу, и это было хорошо, потому что если «это» оживет, проблем будет очень много. Я подошел к трупу и осторожно повернул его голову. На правой стороне шеи был выжжен знак: крест, вписанный в круг.

— У второго такой же? — спросил я, заранее зная ответ.

— У второй, — уточнил Старший и откинул следующее покрывало. У меня екнуло сердце. Не дай бог!

К счастью, Бог не дал. Блондинка. Лет двадцать, стройная фигура, длинные ноги, довольно симпатичная. На правой стороне шеи — тавро.

— А ведь у них нет ни одного признака насильственной смерти, — задумчиво пробормотал я, закончив быстрый осмотр. — Не могли же они просто замерзнуть? Или могли?..

— Тебя для этого и позвали, чтобы ты узнал, кто они и откуда? — заговорил Великий Инквизитор, нервно теребя себя за бороду.

— Можно подумать, у вас больше Дознавателей нет, — буркнул я, понимая, что уже никуда не денусь.

— Дознавателей у нас много, а вот некромант только один, — жестко сказал один из Старших.

— Не льстите мне, — грубо ответил я и спросил: — Где их нашли?

— В подвале одного из домов на окраине города, — ответил Старший, до этого молчавший.

— Обоих?

— Да.

— В доме живет кто-нибудь еще?

— Бомжи одни, — передернул плечами Старший.

— Ну?!

— Они наткнулись на них случайно, — начал Старший сбивчивый рассказ. — Спустились в подвал, чтобы спрятаться от патруля Стражей. А там два трупа. Ну бомжи наружу рванули, тут Стражи их и взяли. А потом наши уже оперативно сработали и раньше Стражей трупы изъяли. Только вот оказалось, что это не совсем обычные трупы.

— Скорее совсем необычные трупы, — пробормотал Великий Инквизитор.

Я подошел к трупу мужчины и разжал ему челюсти. Осмотрев полость рта, зло рассмеялся.

— Им вырезали языки, — сказал я, обращаясь ко всем присутствующим.

Кто-то чертыхнулся. Великий Инквизитор растерянно посмотрел на меня.

— И что теперь? — спросил он, ясно понимая, что говорить трупы уже не будут.

— Ничего, — ответил я. — Готовьте зал. Будем экспериментировать.

Глава 2 О ЧЕМ МОЛЧАТ МЕРТВЫЕ...

Нет и нет, мне не до смеха,
Нет окна, и дверь размыта;
Ведь пытать меня приехал
Сам Великий Инквизитор.

«Пикник»

Они появились почти сразу после того, как на мир опустились границы. Немногословные, жестокие, беспощадные. Убийцы, мотивы преступлений которых не поддавались никакому объяснению. Все они носили на шее выжженное клеймо, изображающее крест, вписанный в круг.

Их было очень сложно проследить, а взять живыми — невозможно в принципе. Тавро наделяло их просто нечеловеческой силой и скоростью, делало нечувствительными к боли. Инквизиция сбилась с ног, очищая город от этих странных нелюдей, потеряла при этом три десятка бойцов. Около семи месяцев назад нам удалось найти их логово. Тогда мы думали, что убили почти всех. В самой дальней комнате старого бункера был обустроен алтарь какого-то бога, залитый кровью сверху донизу. Жрец положил троих наших, включая Старшего Инквизитора, и ушел через подземный туннель. Туннель тут же обрушился, и мы решили, что на этом существование этого странного и страшного культа можно считать оконченным. Бункер засыпали дровами и подожгли, стащив туда тела всех убитых нами нелюдей. Горело знатно, как будто огонь сам стремился уничтожить эту противную человеческой природе злобу, пропитавшую стены.

И вот через семь месяцев обнаруживаются два свежих клейменных «жмурика». Если их жрец выжил, значит, нам предстоит опасная охота. И совсем не обязательно, что охотиться будем мы.

Обо всем этом я думал, готовясь к ритуалу. Раньше все попытки разговорить клейменных приводили только к костру на полу. Тела сгорали раньше, чем дознаватели успевали закончить заклинания, — видимо, срабатывала какая-то охранная магия. Но раз этим двум вырезали языки, значит, опасались, что их могут поспрашивать.

Я снял куртку и повесил на крючок, вбитый в стену. Не хотелось пачкать свою одежду, да и одежда Инквизиции была лучше приспособлена для моих занятий. Я надел такой же балахон, как и у всех Инквизиторов, только глубокого черного цвета. Оттенков черного существовало невероятное множество, но мне нравился именно такой — затягивающий, насыщенный цвет. Я достал из рукавов куртки серебряные кольца и вложил их в такие же петли на балахоне. Надел черные кожаные перчатки и повесил на пояс непременный атрибут всех Инквизиторов — булаву. Вот я и готов к подвигам, а точнее, к воскрешению покойников.

Когда я вошел в зал, там уже все было готово для проведения ритуала. Окна задернуты плотными шторами, на полу, по углам большой пятиконечной звезды, горят свечи, пятеро послушников стоят рядом со свечами.

— С кого начнем? — спросил Великий Инквизитор.

— С мужчины, — подумав, ответил я. — Его оживить будет сложнее, но и знать он должен больше.

Двое Инквизиторов внесли тело, положили на звезду и тут же защелкнули замки на цепях, соединяющих руки и ноги мужчины с кольцами в полу. Я взял кусок мела и заключил звезду в круг. Так, на всякий случай. Можно начинать, хотя...

Я подошел к трупу и ножом вырезал у него на лбу пирамиду. Теперь задуманное должно получиться.

Ничего страшного и кровавого в оживлении трупа не было, необходимо лишь правильно распределить силы в вызове духа. Только заклинание было слишком уж длинным и обладало таким количеством труднопроизносимых звуков, что язык начинал заплетаться. Дочитав заклинание, я подошел к трупу и сделал надрез у него на шее, открывая для духа свежий доступ к телу, а затем сильно дунул мужику в лицо и тотчас выскочил за пределы круга.

Минуты три ничего не происходило, и я уже начал подумывать, что мой план провалился, но тут труп дернулся и открыл глаза. Он тут же попытался сесть, но цепи натянулись, удерживая тело в горизонтальном положении. Послушники, стоявшие по краям звезды, судорожно схватились за рукоятки булав, одного замутило, но он не посмел покинуть пост и теперь старался не смотреть на лежащего мужика, в бешенстве мычащего и вращающего глазами. Так, значит, он все-таки ожил, теперь можно активировать заклинание, вложенное в пирамиду на его лбу.

Это заклинание было не в пример проще, хоть и намного полезнее, чем заклинание оживления, и заключалось в трех коротких словах. Пирамида на лбу лежащего полыхнула пламенем, и завоняло паленым мясом. Мужик взвыл, как раненый вепрь, и рванулся что было сил. Цепи натянулись, словно струны, но выдержали, и теперь живой мертвец лежал, спокойно оглядываясь по сторонам.

— Ты будешь с нами говорить? — спросил я.

— Да, — мужик выдержал паузу и продолжил: — Пошел ты!..

— Он будет говорить, — утвердительно кивнул я Великому Инквизитору.

— Хорошо, — ответил он, — продолжай.

Я подошел к мужику и протянул над ним раскрытую ладонь. Лежащий смотрел на меня подозрительным взглядом, но все же неуверенно улыбался. Я резко сжал кулак. Тело на полу выгнулось дугой, сводимое страшными судорогами боли. Мужик вопил так, что пламя на свечах начало неуверенно колебаться.

Я опустил руку. Тело обмякло и распласталось на полу. Пленник часто дышал, пытаясь прийти в себя.

— А нельзя было просто оживить тело и спросить у него обо всем, что нас интересует? — морщась, спросил один из послушников.

— Нельзя, — ответил я. — Если его оживить просто так, то отрастить ему новый язык не получится. На мертвую плоть не действует заклинание пирамиды.

— То есть он сейчас такой же живой, как мы?! — удивленно посмотрел на лежащего послушник.

— Почти. — Я передернул плечами. — Он сейчас не мертвый, но и не живой, где-то посередине. Он может чувствовать боль, страх, соображать, но в то же время он не нуждается в еде, питье, теплой одежде. Его тело мертво, но душа не дает ему разлагаться, и он может чувствовать боль. К тому же она позволяет действовать на его тело заклинаниям самых разных направлений.

Великий Инквизитор стоял рядом и слушал мою лекцию с меньшим интересом, чем одетые в коричневые балахоны послушники.

— Тебе стоит подумать о карьере преподавателя. — Великий смотрел на меня со странным прищуром.

— Делать мне больше нечего, — огрызнулся я.

В этот момент мужчина в круге снова дернулся, пытаясь сесть.

— Еще? — вежливо поинтересовался я, подходя ближе и протягивая над телом руку.

— Нет, — сглотнул мужик. — Я все скажу!

— Знаешь, что с тобой будет, если ты нам соврешь? — спросил я, водя рукой над распятым телом.

Мужчина кивнул и прикрыл глаза.

— Спрашивайте, — милостиво кивнул я Великому.

— Сам спрашивай, — неожиданно последовал ответ.

Я едва не поперхнулся от удивления. Великий Инквизитор никогда не был трусом или слабовольным человеком, иначе он не был бы Великим. Но сейчас я увидел перед собой сломленного, трясущегося старика, которому больше всего хотелось закутаться в теплый плед и сесть поближе к камину.

Я проглотил рвущиеся наружу вопросы, все-таки в зале находились еще пятеро послушников, и коротко кивнул.

— Имя? — спросил я, понимая, что это был, пожалуй, самый естественный вопрос, но в то же время он был самым бесполезным. К тому же мне нужно было собраться с мыслями, и я попытался выиграть немного времени.

— Иван Григорьев, — ответил мужик и продолжил, не дожидаясь моих следующих вопросов, — живу... жил в Светлом городе. Три месяца назад встретил на улице человека. Вернее, сначала я думал, что это человек. Он предложил мне заработать. Пообещал силу, деньги, власть. А какой мужчина

откажется от власти?.. Я пошел за ним. Он привел меня в подвал одного из заброшенных домов на окраине города. Там меня встретил лысый мужчина в рясе, похожей на вашу, только без капюшона. На груди у него висел знак, который показался мне странным. Скоро такой знак украсил и мою шею. Я был никем. Я перебивался с хлеба на воду, воровал, спал где придется. А там я почувствовал себя сильным. И вокруг были такие же, как я...

— Стоп, — оборвал я его. — То есть жрец снова собрал свой культ в Светлом городе?

— Мы называем его Видящий. Мы поклоняемся великому Драгору, богу, чья сила неизмерима!

Я обернулся — при упоминании о Драгоре лицо Великого Инквизитора перекосила гримаса. Но что она означала, я не совсем понял и вернулся к допросу:

— Сколько вас?

— Нас много, и мы повсюду. Вы — слабые людишки, а мы — те, кто выживет вас из этого мира! Как сорняки на огороде глушат полезные растения, так и мы поднимемся над вами, потому что мы — Дети Драгора!

— Не забывайся, — лениво бросил я. — Где вас можно найти?

— В Светлом городе. Большого я тебе не скажу.

— Разговорчивый попался, — задумчиво пробормотал Великий Инквизитор, тяжело опираясь на свой посох.

— Что вы делаете в Темном городе? — задал я, как выяснилось немногим позже, последний вопрос.

— Нас послал Видящий, чтобы передать: «Вы помешали моим планам и будете прокляты. Господин мой Драгор пожрет ваши души, а из тел ваших сделает рабов. Готовьтесь, Инквизиторы, ваше время истекает!»

Внезапно он забился в цепях, как рыба в сети. Кольца в полу заскрипели, готовые вот-вот разогнуться. Я кивнул послушникам.

Тот, что стоял у головы пленника, снял с пояса булаву. Широко размахнувшись, он обрушил страшное оружие Инквизиции на голову бывшего жителя Светлого города. Во все стороны брызнули осколки черепа и мозги. Я прикрыл собою Великого Инквизитора. Мне-то в черном все равно, а

его белый балахон мог сильно пострадать. Тело Ивана еще раз дернулось, плюнуло из разорванного горла тоненькой струйкой размороженной крови и затихло.

— Сжечь, — коротко приказал Великий Инквизитор.

Двое послушников накрыли безголовое тело простыней и вытащили его из зала.

— Давайте девушку, — устало пробормотал я. Все-таки оживление трупов не самое легкое занятие.

Через пять минут еще двое послушников внесли тело обнаженной блондинки, старательно делая вид, что соблазнительные формы их абсолютно не интересуют. Как дети, ей-богу! Еще через несколько секунд они заняли свои места по углам лучей звезды. Свечи пришлось заменить, а это означало, что все заклинания придется читать заново. Жаль, я так надеялся сэкономить немного энергии.

Как ни странно, но оживление девушки и возвращение ее телу органа речи прошло намного легче и быстрее. Возможно, сказался возраст девушки, а возможно, мой опыт. Но уже через полторы минуты воскрешенная была готова отвечать на наши, точнее, на мои вопросы.

— Имя? — уже привычно начал я.

— Оксана.

Рассказ девушки почти не отличался от того, что поведал нам Иван. Жила кое-как, родных не было, дорога ей была только в бордель. Мужчина на улице предложил защиту, силу, уважение. Она пошла за ним, как собака за хозяином. Очевидно, этот тип обладал неплохим даром внушения, раз люди верили его словам и шли за ним, практически не задавая вопросов.

— Как выглядел тот мужчина, который предлагал тебе силу и защиту? — Поняв, что Оксана не расскажет ничего нового, я решил узнать хоть что-нибудь.

— Высокий, красивый... — В ее голосе проскользнули мечтательные нотки, а взгляд переместился к потолку.казалось, происходящее на некоторое время вообще перестало ее волновать. — У него длинные белые волосы, собранные сзади в хвост, глаза зеленые, как изумруды, и взгляд... Как будто заворачивает... — По ее лицу скользнула мечтательная улыбка. — А зовут его Алексей.

Ну и описание! Хоть сейчас на обложку журнала цепляй. Этой Оксане, похоже, здорово промыли мозги. Ее даже не волновало, что красавчик привел ее на верную смерть.

— Ладно, хватит! Скажи, почему вам вырезали языки?

— Видящий хотел узнать, на что способны ваши Дознаватели. Ведь теперь вы наверняка направитесь в Светлый город, а значит, вы встретили нас и узнали, что алтарь господина Драгора находится там.

— Ну надо же, как все тонко замутили, — театрально всплеснул я руками. — Если этому вашему Видящему было так интересно, на что мы способны, сам бы вырезал себе язык и пришел к нам.

— Темный, успокойся, — оборвал Великий Инквизитор. — Хватит. Отпусти девушку, она нам больше ничего не скажет.

— Еще один вопрос, Великий, — ответил я, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Хорошо, — кивнул старик и посмотрел на послушников. — Можете быть свободны.

Те, не задавая лишних вопросов, быстро покинули зал, оставив нас втроем.

— Спасибо, — поблагодарил я Великого Инквизитора и обратился к Оксане: — Ты знаешь девушку по имени Анна Колосова?

Оксана посмотрела на меня сперва удивленно, а затем внезапно рассмеялась.

— А ты странный человек, Темный. Господин говорил нам о тебе. Странный и страшный. В твоём теле уживаются палач и святой. Причем оба настолько сроднились, что готовы подменить друг друга в любой момент. Но еще неизвестно, кто из них хуже. Господин сказал, что ты опасный противник. Но тебе не остановить Драгора.

— Ты не ответила на мой вопрос, — перебил я девушку.

— И не скажу, — снова улыбнулась Оксана.

— Говори! Иначе... — Я простер руку над распятой на полу девушкой.

— Зачем она тебе, красавчик? Разве я тебе не нравлюсь?

Я сжал кулак. Девушка завизжала, как тысяча кошек. Тело выгибалось так сильно, что в какой-то момент показывала

лось, что ее позвоночник не выдержит. Визг становился все исступленнее, но я не разжимал кулак. Великий Инквизитор наблюдал за нами, тяжело опираясь на посох, но пока не спешил вмешиваться.

Я разжал кулак. Девушка рухнула на пол, тихонько скуля. Ее тело сотрясала крупная дрожь, а в глазах застыл ужас.

— Ты мне все расскажешь, — холодным, напрочь лишенным эмоций голосом проговорил я. — Или будешь страдать долго, очень долго. А эта боль покажется тебе легким шлепком по сравнению с тем, что тебя ждет.

Вообще-то я блефовал. Более сильного заклинания, чем «Рука Мертвого», в моем арсенале не было, но я надеялся, что страх и боль уже сделали свое дело.

— Она действительно того стоит, Темный? — неожиданно раздался голос у меня за спиной.

— Стоит, Великий, — ответил я. — Как никто в этом мире.

— Видящий найдет тебя, — прохрипела с пола Оксана. — И ты пожалеешь... Сильно пожалеешь!

— Ты будешь говорить или нет? — спросил я, вновь поднимая руку.

— Да не знаю я ее, не знаю! — всхлипнула девушка. — Не слышала ни разу это имя.

— Почему я тебе не верю? — Я медленно провел рукой над оживленным мной мертвым телом.

— Я правда ничего не знаю. Просто мне хотелось узнать, действительно ли ты такой, как о тебе рассказывали?

— Узнала? — зло улыбнулся я. — Понравилось? Может, повторим?

— Нет, пожалуйста, не надо! — Оксана уже рыдала. — Отпусти меня...

— Отпусти ее, Темный, — вздохнул Великий, — она действительно ничего не знает.

Я вздохнул. Еще раз провел раскрытой ладонью над обнаженным телом, заставляя девушку вздрогнуть. Потом снял с пояса булаву и проделал ту же операцию, что и послушник некоторое время назад.

Великий Инквизитор подождал, пока я закончу с телом девушки, и, кивнув каким-то своим мыслям, проговорил:

— Иди, переодевайся. Потом зайдешь ко мне.

Я коротко кивнул и вышел из зала. Едва зайдя в раздевалку, я упал на лавку и, облокотившись спиной о стенку, откинул голову назад и закрыл глаза. Твою мать! Давно меня так не перло. И было непонятно, от чего же меня так колбасит? То ли от усталости, то ли от полученных новостей. Кое-как справившись с собой, я стянул с рук перчатки, снял балахон и бросил это все в корзину, не забыв достать из рукавов колья и снова вставить их в петли, пришитые к внутренней стороне рукавов куртки. Почему-то мне казалось, что сегодня они очень сильно понадобятся. Надев куртку, я уже собирался выйти, но, подумав, взял булаву и повесил ее на пояс.

Раздевалка располагалась на первом этаже, а кабинет Великого Инквизитора — на третьем, так что еще какое-то время я потратил, чтобы подняться по ступеням. В щель под дверью в кабинет Великого Инквизитора пробивался тоненький лучик света. Я осторожно постучал.

— Входи, Темный. — Старик никогда не ошибался относительно личности того, кто стоял за дверью его кабинета.

Я вошел в кабинет, закрыл за собой дверь и огляделся. Здесь я бывал не единожды, но каждый раз находил новую деталь, которая в прошлый раз ускользала от моего внимания. Шкаф с книгами у левой стены, такой же шкаф, только заставленный папками с документами, у правой стены. Стол у окна. Кресло Великого Инквизитора с одной его стороны и два кресла попроще с другой. Сегодня моему вниманию открылся небольшой столик в самом углу, на котором стояли графин с вином и пара бокалов. Комнату освещали два факела, прикрученные к стенам. Они создавали эффект средневекового подземелья, но от этого не делали кабинет менее уютным.

Только сейчас я осознал, что время уже перевалило за полдень. Неплохо с трупами побеседовали.

Сам хозяин кабинета сидел в своем любимом кресле. Взгляд Великого Инквизитора был направлен сквозь меня, как будто он пытался рассмотреть что-то, скрывающееся за моей спиной. Но у меня не оставалось сомнения, что сейчас старик, как никогда ранее, тщательно пытается разглядеть мою персону. Я сделал пару шагов по направлению к столу, и тут Великий вскинул руку мне навстречу:

— Не приближайся, Темный, я не собираюсь тебя задерживать!

Я удивленно остановился, а Великий продолжил:

— Вот твоя плата за то, что ты сделал сегодня.

С этими словами он кинул мне мешочек, в котором ощущимо звякнули монетки.

— Здесь триста рублей. Не спорь, ты это заслужил. Твои мертвецы дали хорошую информацию для размышления, и мне необходимо все взвесить и посоветоваться со Старшими Инквизиторами. А пока можешь быть свободен, тебя найдут.

Я, так и не проронив ни слова, повернулся и уже взялся за дверную ручку, когда старик окликнул:

— Эй, Темный, послушай старого человека! Ни одна девушка не стоит того, что ты задумал. И еще, будь осторожен в нашем городе. Сейчас даже тебе может грозить опасность.

Я улыбнулся и, не оборачиваясь, молча вышел в коридор. Ну-ну! Я и сам могу быть опасен. А вообще-то за совет — спасибо, к Великому Инквизитору стоит прислушаться.

Я посмотрел на часы: половина первого. Вот и полдня прошло. А вечером ребята ждут меня в «Приюте». Все, что я на сегодня запланировал, весело пошло коту под хвост. Но с этим уже ничего не поделаешь, да и триста рублей серебром — большие деньги. Валик, например, в своих «Альпах» за месяц пять сотен получает.

И чем мне теперь заняться? Идти домой и лечь спать?.. Но спать не особо хотелось, а таскаться по морозу не хотелось совсем. Вздохнув и прокляв себя за собственную лень, я направился в библиотеку. Там я наугад выбрал книгу и, забравшись в глубокое кресло, с наслаждением принялся за чтение.

Из библиотеки я вышел через четыре часа. Книга была интересной только в начале, но к концу третьего часа я оставил всякие попытки уловить основную суть романа. До встречи с друзьями было еще два с половиной часа, и я абсолютно не представлял, чем еще заняться. Убийство времени никогда не было моей сильной стороной.

Мимо прошла толпа взмыленных послушников. О, значит, зал уже освобожден! Замечательно, пойду, скоротаю вечерок.

Два часа хорошей тренировки еще никому не вредили.

Особенно когда над тобой с длинной железной палкой стоит Старший Инквизитор и при малейшей ошибке использует эту палку против тебя. Два часа при свете факелов я как проклятый бегал, прыгал, отработывал удары и махал булавой. Еле передвигая ноги, я наконец-то добрался до душа и включил горячую воду. Кран ответил мне утробным всхлипом и замолчал. Ругаясь сквозь зубы, я закрыл горячий кран и открыл кран с холодной водой. А-а-а-а!.. Ну послушники, всю горячую воду растратили, убил бы собственными руками!

Выйдя из душа, я наскоро вытерся жестким полотенцем и стал одеваться. Жаль, придется идти с грязной головой, но тут ничего не поделаешь, фен себе не могла позволить даже Инквизиция, а идти с мокрой головой, пусть даже и в шапке, себе дороже. Булаву я повесил на пояс. Не знаю, что на это скажут мои друзья, но я привык доверять предчувствиям.

Выйдя из раздевалки, направился к окошку дежурного. По-видимому, Костя сегодня был в ударе, или его муза была в ударе, но он что-то писал в своей тетради, не задумываясь и почти не отвлекаясь. Молча протянул мне журнал для записи, подождал, пока я поставлю свою закорючку, потом посмотрел на меня долгим внимательным взглядом и вернулся к своим письменам. Стражники на входе смотрели по сторонам, никто из них не обратил на меня внимания.

Немного в отдалении полыхал костер, на котором догорали два безглавых тела. Вокруг костра столпилась группа людей в коричневых балахонах и один человек в сером. Когда я проходил мимо, все старательно сделали вид, что не замечают меня, и только когда я отошел метров на пятьдесят, человек в сером балахоне догнал меня.

— Ну ты даешь, Темный! — Егор пошел рядом. — Все послушники на тебя теперь косо смотреть будут.

— Почему? — Я удивленно покосился на рыжего.

— Потому что вся школа слышала, как визжала девушка в зале, — пустился в объяснение Егор, — а ты сам сказал, что она вроде бы как живая. Вот они и думают теперь: каким же нужно быть отморозком, чтобы доставлять такую боль живой девушке?

Я резко остановился, обернулся к Егору, схватил за грудки и притянул к себе, глубоко заглядывая в глаза.

— Отморозком?! Девушка?!.. — прошипел ему в лицо. — Ты хоть понимаешь, что она уже даже не человек? Я поднял ее с того света, и я буду решать, что мне делать с мразью, которая решила поиграть со мной! Мне нужна была информация, и я должен был ее получить, а каким способом — вас абсолютно не касается! А если эти молокососы такие жалостливые, то пусть идут работать в питомник для животных или в детский сад.

Я отпустил ошарашенного парня и быстро пошел дальше. Нет, ну вы подумайте, какие все сентиментальные! И из этих людей должны получиться Инквизиторы. Можно закалить тело в сотнях часов тренировок, можно научиться владеть оружием, можно научиться колдовать — конечно, если у человека есть Дар. Но нельзя научить человека чувствовать разницу между долгом и желанием. Я сам иногда делаю то, что хочу, но только не тогда, когда знаю, что должен поступить иначе. Инквизиция — штука сложная, почти такая же, как и жизнь. А значит, что она такая же простая. Что, слишком сложно? А жизнь штука сложная, я уже говорил...

До «Приюта» осталось еще минут десять неторопливой ходьбы, но именно в это время передо мной выросло двухметровое нечто. Я качнулся назад, и когтистая лапа пропорола воздух в миллиметре от моего лица. Зверь ударил лапой в обратную сторону и попал мне в плечо. Пролетев метра три, я упал в снег. Черт! Откуда в центре города снежный человек?!

Не давая себе ни секунды передышки, я вскочил на ноги. Если сейчас не встану, эта тварь мной поужинает. Я перекатился по снегу и вскочил, снимая с пояса булаву. Левое плечо затекло и противно ныло, но это пустяк. Зверь утробно заворчал и двинулся в мою сторону. Ну иди сюда, поиграем! Монстр вновь взмахнул лапой. Я упал на колено и ударом булавы раздробил ему стопу. Тварь взвыла. Я попытался выдернуть булаву, но та прочно засела в ноге зверя и на мой рывок не поддавалась. А он уже бил сверху двумя лапами. Я с колена кувыркнулся вперед, уходя от удара, и вскочил за спиной снежного человека. Развернувшись, запрыгнул твари на спину. Щелкнули резинки, и два серебряных кола легли мне в ладони.

Я ударил в голову монстра с разных сторон. Кости черепа

зверя не выдержали, и колья с легкостью вошли в мозг. Тварь дернулась и стала падать на спину. Я едва успел соскочить с нее, чтобы не быть раздавленным гигантской тушей.

Везет мне в последнее время. Не об этом ли меня Великий Инквизитор предупреждал? Интересно, откуда в городе взялся снежный человек? Хорошо еще, что не снежный тролль. Тех ребят так просто не возьмешь. Я вытащил колья из головы поверженной твари и с третьей попытки освободил из плена свою булаву. Наскоро очистив оружие от снега и шкуру мертвого снежного человека, я уже собирался идти дальше, но в этот момент мой взгляд упал на плечо твари. На правой лапе зверя был аккуратно выбрит знак. Крест, вписанный в круг!

Патруль Стражи из пяти человек наткнулся на меня уже у входа в «Приют». Посмотрев на мое вооружение, попросили предъявить документы. Печать Инквизиции выполнила свое предназначение безукоризненно, и вопросы отпали сами собой. Указав ребятам место, где лежал труп снежного человека, я отряхнул снег с ботинок и вошел в дверь заведения.

Полуподвальное помещение кое-как освещалось электрическим светом. «Кое-как» — это значит, что разглядеть кого-то можно было только на расстоянии пары метров. Дальше окружающее пространство сливалось, образуя плотную темную пелену, хотя по меркам Темного города заведение считалось вполне приличным. Я спустился по ступенькам, которые не освещались вообще, и вошел в зал. А зал был довольно большим. По крайней мере, три десятков столов и небольшая сцена в нем помещались. И здесь меня уже ждали.

Четверо моих друзей уже сидели за одним из столов, но, по всей видимости, пришли совсем недавно, потому что на столе было пусто. Я прошел мимо охранников, хмуро проводивших меня взглядом. После того как однажды они не очень вежливо попросили меня покинуть заведение, под предлогом, что я принес с собой запрещенное оружие, меня здесь узнавали. Наверное, потому, что работать после этого не могли дня три. Надо было просто попросить разрешение на оружие, а не руки распускать.

Я подошел к столу, за которым расположилась ожидающая меня четверка, и сел на свободный стул.

— Ну наконец-то, — провозгласил Артур и первым протянул руку. Широкоплечий, светловолосый, вечно улыбающийся, он всегда привлекал к себе внимание женского пола, чем и бесцеремонно пользовался. Хотя справедливости ради стоит отметить, что пользовался не он один. Знакомиться Артур всегда шел с целой компанией девушек, чтобы никому из нас не было обидно.

— Можно подумать, я так сильно опоздал. — Я пожал протянутую руку. — К тому же у меня была серьезная причина для задержки.

— И какая же у тебя отмазка на этот раз? — спросил Артем, сидевший слева от Артура. Такой же несерьезный, как и его сосед, но куда скромнее по телосложению, этот человек мог заговорить всех, собравшихся сегодня в «Приюте». Иногда он становился в своих разговорах просто непереносимым, но приходилось терпеть, опять же молча. С Артуром они спелись с ходу, как только я их познакомил.

— Не отмазка, а причина, — буркнул я. — Снежного человека только что встретил.

— Не свисти, — откинулся на спинку стула Артем. — Если бы ты встретил снежного человека, то, скорее всего, сюда пришел бы он, а не ты.

— И где он? — спросил Артур. По его тону можно было понять, что он тоже не верит мне ни на грамм.

— Лежит в паре кварталов отсюда, если патруль Стражи его еще не забрал. Лежит, между прочим, с раздробленной правой лапой и двумя дырками в черепе.

Теперь хохотом зашлись все, сидящие за столом. Я только криво усмехнулся. Не хотят верить, и не надо — их проблемы. Мне достаточно знать, что это — правда, к тому же Великий Инквизитор об этом узнает уже сегодня вечером. Люди Инквизиции есть в любой организации Темного города.

Сергея и Валик просто пожали мне руки, хотя я чувствовал, что и на их языках вертятся кое-какие колкости. Неслышно подошла официантка и встала рядом со столиком, ожидая заказа. Валик обвел взглядом всех нас и заказал две бутылки водки, большую сковородку жареной картошки, салат из помидоров и огурцов и бутерброды. Ого! Хорошо сегодня сидим.

Я молча достал из кармана десятирублевую серебряную монетку и положил на стол. Валик удивленно посмотрел на меня, но потом кивнул и сгреб монетку в карман.

Артур с Артемом тут же принялись обсуждать достоинства и недостатки официантки, а я огляделся. Что-то многовато людей сегодня собралось. Обычно в «Приюте» собирается от силы десятка два посетителя, а сегодня набилось никак ни меньше полусотни. В этот момент над сценой полыхнули разноцветные огни, и на сцену вышли трое. Молодцы, пороха на спецэффекты не пожалели. Два гитариста, один из которых был и вокалистом, и барабанщик начали размещаться на сцене. Кто-то зааплодировал, кто-то подхватил, и вот уже половина зала хлопала трем музыкантам. Вокалист поклонился и взял первый аккорд.

В это время принесли картошку, салат и водку, а значит, вечер можно было начинать.

— Ну за встречу! — начал до того молчавший Серега, наполняя рюмки.

Выпили. Водка рухнула вниз по пищеводу, обжигая внутренности и наполняя тело приятной теплотой. Гадость гадостью, а приятно. Я быстро закусил салатом и принялся за картошку.

— Слышали последние новости? — обвел всех взглядом Серега. — Вчера банды Рината и Косого выясняли отношения.

— И чё? — дернулся вперед Артем. Я удивленно поднял на него взгляд. Давно подозревал, что он что-то скрывает, но в то, что он общается с бандитами, верить не хотелось.

— А ничего, — спокойно продолжил Серега, накалывая на вилку кусок огурца. — Ринат предложил Косому по-хорошему отстегивать ему долю с разбоя. А Косой, конечно, уперся. Ну ребята Рината положили трех людей Косого и свалили, а Косой получил неделю на размышления.

— А почему Ринат его просто не пришьет и не соберет людей Косого вокруг себя? — спросил Валик, который в разборки местных бандитов не лез, но общественной жизнью интересовался.

— Да потому, что ему невыгодно, — ответил вместо Сергея Артур. — Если Ринат Косого завалит, а это ему раз плю-

нуть, то ему придется все начинать сначала. Да и несолидно при его роде деятельности заниматься всякой шпаной. А так он просто будет получать деньги за то, что ребята Косого будут делать свою работу.

— Неужели ему своих денег не хватает? — удивленно спросил Валик. Удивляет меня иногда его наивность.

— Денег никогда не бывает много, — заметил Артем и кивнул Сереге. — Наливай.

Сергей наполнил рюмки. Вот и первая бутылка кончается. Точно придется еще брать.

— Это всего лишь деньги. — Я пожал плечами. — На них не все можно купить.

— Согласен, — кивнул Артур, допивая водку, — но и без них никуда не денешься.

— Ага, — поддакнул Серега и скривился. — Блин, надо было какого-нибудь запивона взять!

— Ща возьмем, — подтвердил Артем. — Я схожу.

— Я сам схожу, — остановил я его. — Все равно водка кончается.

Почему-то в этот вечер мне хотелось напиться до потери памяти. Может, сказалось напряжение дня, особенно разговор с Оксаной, а может, я просто устал. Но сегодня не напиться я не мог.

Я встал из-за стола и направился к барной стойке. Музыканты продолжали играть одну песню за другой, и пока я пробирався между столами, начал прислушиваться к словам.

Мы всего лишь бревна,
Что плывут по реке.
Мы всего лишь ракушки,
Что зарыты в песке.
Нам просто не хватает сегодня свободы,
Но мы подчиняемся зову природы...

Ну и бред! Как такое можно придумать? И ничего, людям нравится. Вон девчонки за крайним к сцене столом просто визжат от счастья.

Я подошел к официанту, маячившему за стойкой, и заказал еще две бутылки водки, два литровых пакета томатного сока, бутылку вина и блюдо пельменей. Гулять так гулять!

Тем более что денег мне Великий Инквизитор подкинул достаточно.

Пока я дожидался заказа, музыканты на сцене сорвали бурю аплодисментов и ушли на небольшой перерыв. Через пару минут я забрал поднос с выпивкой и отправился обратно к своему столику. Подойдя к парням, я обнаружил еще одну пустую бутылку водки и почти пустую тарелку с картошкой.

— Уроды, — беззлобно пробормотал я и поставил поднос на стол.

Сергея моментально схватил пакет сока и, откусив уголок, принялся жадно пить.

— А зачем ты вино взял? — спросил Валик, скручивая пробку с одной из принесенных бутылок.

— Ща возьмем вина и пойдем по бабам! — пробормотал Артем, хотя по его осололевшему взгляду было понятно, что не только по бабам, он просто идти сможет с большим трудом.

— Захотелось, — ответил я и, выдернув пробку, глотнул прямо из горла. Нормальное вино. Надо бы еще денег ребятам добавить.

— Я что-то не понял, — поднял стопку Артур, — мы пьем или нет?

— Пьем, — откликнулся Серега и поднял свою.

Я поставил вино под стол и взял в левую руку стопку с водкой. Ох и плохо же мне будет завтра! Но это — завтра. Самое главное, не проспать.

Третья бутылка кончилась так же быстро, как и первые две. Окружающее пространство перед глазами уже плыло в непонятном направлении. Музыканты вернулись на сцену и продолжили выступление. Где-то в это время принесли пельмени. Тёма и Артур кое-как поднялись со своих стульев и направились за столик к девушкам, которых я заметил, когда ходил за водкой. Валик тоже поднялся и пошел в глубину зала.

Я достал из-под стола бутылку и сделал пару глотков. Противный комок подкатил к горлу, но я не дал ему вырваться наружу и глотнул еще. Когда оторвался от горлышка, то

увидел, что Серега сидит напротив и смотрит на меня совершенно трезвым взглядом.

— С тобой вчера связывались люди Косого, Темный? — спросил он, глядя прямо в глаза.

— Связывались, — хмыкнул я. — А ты откуда знаешь?

— Тёма рассказал, пока ты за водкой ходил.

— А он откуда знает?

— А Тёма, чтоб ты знал, состоит в банде Косого, — ответил Сергей и принялся жевать бутерброд.

Я растер уши, чтобы лучше соображать. Помогло мало. Тогда я глотнул еще вина.

— И чего от меня хочет Косой? — спросил я, пытаюсь понять хоть что-нибудь.

— Он хочет, чтобы ты убрал Рината. — Серега снова спокойно посмотрел на меня.

Я нервно хохотнул. Рината убрать! Еще чего! Я что, на смертника похож?

— А зачем ты мне это рассказал? — спросил я.

— А затем, что я тебя, дурака, знаю, — ответил Сергей и постучал костяшками пальцев по столу. — Ты же кинешься в эту авантюру, как в омут. Я просто предупредил, чтобы ты знал, чего от тебя хочет Косой. А еще потому, что он не примет отказа. Ринат дал Косому неделю на размышление, — продолжил он, — один день уже закончился. Через сколько дней вы встречаетесь?

— Через два, — ответил я. — То есть послезавтра.

— И у тебя останется четыре дня, — подвел итог Серега. — Я не знаю, что ты успеешь за них сделать, но ни в коем случае не доверяй Косому!

— Спасибо и на этом, — поблагодарил я, но, как оказалось, рановато.

— Это еще не все, — продолжил Сергей, — за тобой идет охота. Я не знаю, кто ее организовал, но они не успокоятся, пока не уничтожат тебя.

— Ну это не так просто, — пробормотал я и сделал еще один глоток из бутылки.

В этот момент вернулся Валик, и разговор оборвался сам собой. Я посмотрел на часы. Половина девятого. Хорошо сидим, время так и летит.